

НОВЫЙ ЗАКОНОПРОЕКТ НА СТАРЫЙ ЛАД

Развитие законодательства о деятельности СМИ является актуальным вопросом для Таджикистана, ибо оно способствует продвижению демократических реформ в стране. Принятие Закона РТ «О печати и других средствах массовой информации» в новой редакции, которое инициировано депутатами Маджлиси намояндагон (нижняя палата таджикского парламента) может стать еще одним шагом в этом процессе. Итак, у журналистов появился шанс повлиять на ход событий и выдвинуть свои предложения по усовершенствованию данного законопроекта, регулирующего деятельность СМИ.

Прежде всего, мне журналисту приятно высказать свои суждения по поводу проекта закона, который призван урегулировать сферу нашей деятельности. Потому что мне не безразлична судьба моей профессии и коллег. Я, по роду своей деятельности, не раз сталкивался с нюансами закона на разных уровнях судебной власти, когда неточно сформулированный текст статьи закона не только нас – журналистов, но и служителей самого закона, ставил в тупик. Исходя из всего этого, когда я впервые просмотрел текст нового закона, мне в глаза сразу бросились те же проблемы, которые существовали еще в прежнем законе.

Хотя предложенный на рассмотрение Маджлиси намояндагон проект Закона РТ «О печати и других средствах массовой информации» считается в новой редакции, однако при сравнении с текстом существующего закона можно увидеть, что в тексте, кроме отдельных дополнений, новизны отмечается крайне мало. Мне, журналисту непонятна процедура государственной регистрации СМИ. Действительно, почему Таджикистан не может поступать по своему, а не по образцу и подобию других стран СНГ. Понятно, что вопрос о необходимости государственной регистрации СМИ (статья 9) истекает из старых советских пережитков, т.е. до сих пор наши чиновники, воспитанные в духе тоталитаризма, боятся свободных СМИ. На мой взгляд, печатные средства массовой информации, как и другие СМИ, являются точно таким же бизнесом, как любой другой вид деятельности. Иначе, почему продавец прохладительных напитков без прохождения специальной в минюсте регистрации может продавать свой товар и получать прибыль, а журналист не имеет право без регистрации выпускать свою газету и получать такую же прибыль. И еще, почему вопросы по нарушению законодательства, если СМИ в своей деятельности будут допускать те или иные нарушения, должны решаться административным путем (любая форма вмешательства министерств и ведомств в деятельность СМИ считается административным), а не решаться в судебном порядке. Во всем прогрессивном мире, кроме стран СНГ и стран бывшего социалистического лагеря, газеты давно издаются в уведомительном порядке. В некоторых других странах газеты проходят обычную процедуру (без лишней волокиты) регистрации в налоговых органах или другом уполномоченном органе и продолжают свою деятельность. А власти, в лице суда, а не министерства, вмешиваются в деятельность СМИ лишь тогда, когда они нарушают законы.

Впечатление об устарении многих норм непрямого еще закона появляется и от того, что, в проекте нового закона в двух местах, точнее в статье 11, пункт 1 и статье 27, пункт 1 вместо статьи «7» дважды упоминается статья «б» закона. Действительно в существующем законе о печати данные требования были изложены в статье «б». То есть, авторы во время подготовки проекта закона либо не обратили на это внимание, либо и не подозревали о том, что когда в закон добавили новую статью 1 о понятиях закона, автоматически нумерация всех остальных статей закона должны были поменяться.

Самым большим вопросом для журналистов является критика должностных лиц. Тем не менее, эти же должностные лица, создающие закон, всячески стараются угодить своему вышестоящему руководству. Это можно увидеть даже невооруженным глазом в статье 7 законопроекта, которая запрещает опубликование сведений, порочащих честь и достоинство государства и президента. Но, что такое честь и достоинство самого государства, ведь государство – это не человек? А президент – он, прежде всего, гражданин своей страны и закон должен защищать честь и достоинство любого своего гражданина, независимо от его статуса. Данная норма противоречит конституционному принципу «Все равны перед законом и судом». И потом, любой закон должен готовиться исходя из интересов всего народа, а не узкой группы людей. Из отраслевого закона, регулирующего деятельность СМИ данное требование необходимо исключать еще и потому, что оно противоречит статье 30 Конституции республики, так как оно также может послужить прецедентом для других высокопоставленных чиновников, с тем, чтобы внести новые категории лица, в отношении которых будет запрещаться критика.

В тексте закона все понятия должны быть выражены в одной форме. Например, в статье 1 закона о печати используется понятие «редакция». Данное слово очень часто повторяется отдельно, или в составе словосочетаний. Но первоначальный смысл понятия «редакция» везде, где оно повторяется даже в другой форме, постоянно сохраняется. Слово «редакция» в русском варианте закона часто встречается в составе словосочетания «редакция средств массовой информации», «редакция телевидения и радио», т.е. в русском варианте слово «редакция» отвечает смыслу и с начала до конца закона сохраняет единую связь. В таджикском же варианте в результате использования разных форм одного понятия иногда его смысловая связь теряется. Например, если в статье 1 таджикского текста закона слово «редакция» использована точно как в русском варианте, то в последующих статьях закона слово «редакция» вовсе исключено, а вместо него используется слово «идора». Слово «идора» в словаре таджикского языка переводится как «управление, руководить, учреждение, контора». Действительно, по смыслу русское слово «редакция» не может быть переведено как таджикское «идора». Редакция означает группу или команду людей, занимающихся подготовкой, выпуском и распространением газеты. А таджикское «идора» означает лица, которые руководят неким процессом. Если авторы закона, таким образом, создавали новое понятие, тогда везде в законе необходимо использовать только это слово. Исходя из вышесказанного, в таджикском варианте закона необходимо использовать лишь одну форму слова: или «редакция», или «идора».

Таджикский язык, в результате тысячелетней истории своего развития, до 20-х годов 20-го века служил языком законотворчества, литературы, науки, техники, делопроизводства и т.д. Практически все восточные учения строились либо на таджикском, либо на арабском языках. На таджикском языке писались все документы правителей Бухарского эмирата, Ирана, Афганистана, Индии. Так случилось не только потому, что таджикский язык был понятен большинству населения данных стран, а потому, что в могучем таджикском языке имелись все возможности для точного, правильного и понятного выражения любых мыслей и идей. Однако в период советской власти на территории нынешних суверенных государств СНГ приоритетным считался только русский язык. Все законы и нормативные документы писались на русском языке, даже фильмы снимались сначала на русском языке, а потом, те же люди, которые снимали фильм, переводили его уже на родной язык. В результате все этого, многие из таджиков научились говорить и мыслить только на русском языке. Вместе с тем происходил процесс постепенного вымирания не только таджикского, а также многих других языков. Наши ученые от того сегодня не могут безошибочно связать несколько таджикских слов, что до сих пор не научились говорить на родном таджикском языке. С нашим законом о печати происходит точно такая же ситуация. Это можно увидеть при сравнительном анализе текстов законопроекта на русском и таджикском языках. При чтении таджикского варианта закона наблюдается неточность в словосочетаниях и предложениях, переведенных с русского языка. При такой ситуации пользователь закона непременно обращается к русскому варианту закона, потому что в русском тексте смысл статьи закона выражен более четко и понятно.

Важным, на мой взгляд, является и то, что в законе необходимо четко сформулировать определение арабских слов «тахкир» и «танкид» (оскорбление и критика). Как показывает практика судебных разбирательств со средствами массовой информации и журналистами, в большинстве случаев судьи при рассмотрении исков по требованию оскорбления чести и достоинства личности непременно обращаются к судебно-лингвистической экспертизе. Во-первых, необходимо определиться с теми, кто проводит экспертизу: право на экспертизу должно быть передано определенным компетентным категориям организаций и учреждений - это может быть тот же Институт языка АН РТ или специалисты лингвистической экспертизы. Во-вторых, сама процедура экспертизы должна четко регламентироваться (полномочия и ответственность, права и обязанности экспертов) с тем, чтобы обеспечить беспристрастность заключения. На мой взгляд, очень важен второй момент: невзирая на то, что экспертное заключение должно быть представлено в суд, эксперт может действовать по своему усмотрению, т.е. он имеет возможность действовать вопреки желанию журналиста и подготовить экспертное заключение во вред журналисту. Я об этом пишу потому, что точно такая же ситуация происходила на процессе рассмотрения иска против журналистов газеты «Овоза», когда с экспертным судебно-лингвистическим заключением не согласились ответчики-журналисты. Из лингвистического заключения, представленного в суд, можно было сделать вывод о том, что оно было подготовлено пристрастно, т.е. либо эксперт заранее был знаком с истцом, либо он недолюбливал газету «Овоза» и потому исходил из корыстных целей, а не судебной справедливости, либо на него повлияло другое обстоятельство. Поэтому в законе не должно быть двусмысленности, как это видно на примере слов «тахкир» и «танкид».

Спорной, на мой взгляд, является также статья 20 «Бесплатные контрольные и обязательные экземпляры». На основании данной статьи учредитель должен обеспечить соответствующие государственные органы бесплатными и обязательными экземплярами газеты. Однако, как показывает практика, эту обязанность сегодня выполняет руководство типографии и, обычно, оно с каждого номера газеты снимает столько экземпляров, сколько заблагорассудится, а не несколько положенных экземпляров. Порой данное число экземпляров доходит до 50 и более. В результате с каждого номера каждая редакция газеты несет определенные материальные убытки. Конечно, сегодня 50 экземпляров кажется ощутимой тратой для издания, тираж которого не превышает 1000-1500 экземпляров. Но в условиях, когда газеты будут выпускаться ежедневно, представьте, сколько потеряет каждая редакция, отправляя ежедневно бесплатные контрольные экземпляры соответствующим государственным органам. А пункт 2 статьи 20 мне кажется даже неуместным. Спрашивается, какой редактор позволит себе, предположим, из г. Москвы, где печатается газета, за свой счет направлять в соответствующие государственные органы Таджикистана газету? И еще, данная статья наводит также на мысль, что кто-то, где-то постоянно копается в деятельности редакции и журналистов, дабы найти что-нибудь криминальное в их работе. Такое чувство, в свою очередь, также непосредственно ограничивает свободу слова.

Сейчас на страницах печати многие журналисты высказывают свои замечания и предложения по поводу проекта Закона РТ «О печати и других средствах массовой информации». В связи с этим хотелось бы отметить, что некоторые авторы в своих предложениях, в основном, обращают внимание не на принципиальные вопросы, а предлагают незначительные изменения, которые никак не могут серьезно повлиять на улучшение качества закона. На мой взгляд, нам необходимо разработать конкретные и существенными предложения с вескими аргументами, с тем, чтобы они были учтены законодателями страны.